

Отрарская поэма о побежденном победителе, или Просчет Чингисхана

Олжасу Сулейменову, автору этих строк:

**О, мы не забываем никогда свои тысячелетние обиды, великие сжигали города,
не ведая, что летописец видит.**

"... Хвори одолевают меня. Знать, не суждено увидеть, как мой несмышленный малец вцепится ручонками в гриву коня. По давнему обычаю рода, я не раз усаживал его к себе на колени и рассказывал о справедливой борьбе предков, защищавших Отрар, про их беззаветную храбрость. Возможно, я даже надоедал ему своими рассказами. Жена моя, бывало, сомневалась: "Слишком ведь мал. Разве поймет?" Должен понять. Иначе худо ему будет самому. Коротка жизнь дерева, не сумевшего пустить глубокие корни..."

(Из письма моего отца своему другу)

I

"Где твоя слава?
И где твоя честь?
Силы довольно и войска не счесть!
Ровно полгода Отрар окружен,
Но до сих пор не сожжен.
И не раздавлен проклятый народ.
Как ты посмел опозорить наш род?
Только победе служила орда,
Духом горда и рукою тверда.
Славу мою ты роняешь щенок!.."
Выдержать взгляд Чингисхана не смог
Сам Чагатай, что отвагой вполне
Мог бы тягаться с отцом на войне.
"Стыд, как огонь, мое сердце палит, -
Поднял глаза Чагатай наконец, -
Но осажденная крепость стоит,
Как заколдована кем-то, отец.
Я не жалел ни себя, ни людей,

Бой — моя жизнь, и неведом мне страх,
Сколько могил среди мертвых степей -
Столько надежд, обратившихся в прах.
Травы прибиты кровавым дождем,
Сталь почернела и конь мой устал,
Только Отрар с его храбрым вождем
Насмерть стоит, как и прежде стоял,
Духом он крепок, достигший высот,
Здесь бесполезны лавины атак,
Крепче железа проклятый народ,
Люди едины, как сжатый кулак.”
Словно коня на скаку осадил,
Ярость свою Чингисхан остудил.
И подобрел:
“Желторотый птенец,
С детства учил тебя жизни отец.
Сына родного я не узнаю.
Разве забыл ты легенду мою?
Помнишь батыра, чье тело, как медь,
Меч и стрела не могли одолеть?
Разве напрасно открыл я секрет
Малых моих и великих побед?”
Сын, отвечая, вздохнул тяжело:
“Лет девяти я легенду узнал,
Детство, наверно, еще не прошло -
Был я в ту пору наивен и мал.
В памяти степь масагетов храню.
Помню батыра. Отважен и смел,
Был он закован в такую броню,
Что не боялся ни сабель, ни стрел.
Тысячу воинов мог он сразить, -
Сын замолчал и смутился вконец, -
В памяти смысла теряется нить,
Дальше не помню легенды, отец”.
“Если, мой воин, твой разум ослаб,
Значит, и в битве ты мудрого раб.
Суть позабыл, потому и Отрар
Выдержал стойко могучий удар”.
О, Чингисхана тяжелый ответ
Мог бы сломать у верблюда хребет.
“Смысл я напомним, сокрытый в словах,
Сила с наивностью дружит в степях.
Воин, родившийся в отчем краю,
Несокрушим был в открытом бою.
Что не под силу в бою храбрецу,
То удалось без труда хитрецу.

Храбрый батыр, — ты за мыслью следи, -
Слабое место имел на груди,
С ноготь всего был ничтожный просвет -
Точный удар — и противника нет.
Помни! За силой во все времена
Следовать тенью измена должна,
Верен закон до скончания дней:
Храбрости, мужества — хитрость сильнее.
Если победа тебе дорога,
Слабое место найди у врага,
Мало ли было на свете людей,
Горько обманутых силой своей.
Враг твой могуч, и упорен, и смел,
Но и батыр не таился от стрел.
Слабого места не может не быть,
Важно найти, куда следует бить.
Слабое место — надежнейший путь,
В этом побед моих тайная суть.”
Сын улыбнулся:
“Запомню урок,
Завтра свершу, что сегодня не смог”.

II

О, гордый Отрар!
В горле горечи ком,
Не взят ты измором, мечом и стрелой,
Шесть месяцев стойко сражался с врагом,
В шесть дней был разрушен и сравнен с землей.
Пристанище мудрых, науки приют,
Мы песни твои с колыбели твердим,
Ты слышишь, Отрар, то не ветры поют,
То Азия плачет над пеплом твоим.
Я вижу сквозь годы пожара зарю,
И крики младенцев терзают мой слух.
Я тоже в огне беззащитно горю,
В который бросали ослепших старух,
В который бросали беременных жен, -
И было их чрево добычей меча.
И долго по небу, закрыв небосклон,
Лишь вороны плыли, победно крича.
Бессмертная память живым тяжела.
Где город стоял — только ветры да прах.
И слава твоя, что великой была,
Лишь горькой легендой осталась в веках.

Когда додымили в руинах огни,
И крики умолкли, и плач отзвучал,
Двоих привели к Чингисхану — они
Измучены были, и каждый молчал.
Один, осененный легенды крылом,
Чей верен был глаз и смертелен удар,
Шесть месяцев долгих умом и мечом
Сражался с врагом, защищая Отрар.
Он сотни сражений победой венчал,
Душой незлобив и коварство презрев.
В нем мудрость и сила — начало начал —
Сплетались, сроднившись, как корни деревьев.
Он знал наизусть Фараби, Яссави,
В войне был бесстрашен, хоть веровал в мир.
Любимец народа, с отвагой в крови,
Был ханом Отрара — великий Каир.
Второго душа и черна, и пуста,
Как ворона крылья — две черных руки.
Стоял, отворивший Отрара врата,
Согнувшись угодливо, Карашоки.
Смотрел Чингисхан исподлобья на них
И был непривычно задумчив и тих.
О бедный наш мир, где удача с бедой
Ведут бесконечный отчаянный бой,
Где лисы крадутся в расщелинах гор,
А сокол стремится в небесный простор.
Вздыхнул победитель и вымолвил вслух:
“Неволя, Каир, не сломила твой дух.
Неужто не в счет и проигранный бой?
Неужто победа опять за тобой?
Неужто я дух не сумел побороть,
Терзая твою беззащитную плоть?
В жестокости люди мои мастера.
Но мне в пораженьи признаться пора.
Ты смотришь с усмешкой, хоть телом ослаб,
Как будто я твой не владыка, а раб.
И к пытке и боли по-прежнему глух.
Какое оружие осилит твой дух?
Усмешка твоя, как и прежде, смела,
На славные мысли меня навела:
Мне б хана такого в союзники взять -
И силы удвоит монгольская рать.
Несметное войско, как буйный разлив,
Пройдет по земле, племена покорив,

И, крикам гортанным покорно внемля,
Под ханской камчою запляшет земля. -
Чингис рассмеялся, был страшен оскал: -
А где ты, Каир, эту тварь отыскал?
Смешная душа: ты наивен, хоть смел, -
Лису под крылом не заметишь сумел.
Прими же подарок за доблесть и честь -
Сверши над предавшим священную месть.
И тот, кто награда за предательство ждал,
В испуге дрожа, на колени упал:
"Великий и мудрый владыка земли.
Рабу твоему справедливость пошли!
Ворот не открой я ночью порой —
Стоял бы Отрар неприступной скалой".
"Ты прав, — Чингисхан был угрюм и жесток,
Народ свой предав, Чагатаю помог.
Но трупа поганей смердишь за версту.
Ты череп, как ворон на белом снегу.
Ты подлости сын или времени знак -
Постичь до конца не могу я никак.
Я многие видел на свете края,
У твари последней есть святость своя.
Все верно — мой воин и злобен, и лют.
Батыры младенцев без жалости бьют.
И большее зверство им всем по плечу,
Я воинов страшной науке учу.
Жестокость и жалость — увы, не друзья,
И вместе в душе им ужиться нельзя.
Я помню об этом и ночью и днем,
И все же я твердо уверен в одном -
Отчизну свою ни один не продаст,
Хоть каждый и сжечь, и зарезать горазд.
Ты думал награда и почета достичь?
Надежду возмездьем одним ограничь.
Кто родину предал, сомненья гоня,
Тот завтра предаст с потрохами меня.
Чтоб больше так низко не мог ты упасть
Использую богом мне данную власть.
И ты не жалеешь, что награды лишен:
Предавших предать — справедливый закон.
Сочувствия, помни, к предавшему нет.
Исполним и мы справедливый завет.
Подать Каир-хану отважному меч,
Пусть снимет предателю голову с плеч!
Постой, Чингисхан, дай снять камень с души.
Сомненье развеять мое разреши.

Отец этой твари народом любим,
Он был одарен уваженьем моим.
Я думал, что сын — продолженье отца.
Не мог благородный родить подлеца.
Сомнение смерти страшнее, не лгу,
Без веры в друзей умереть не могу.
Позволь у отца этой твари узнать,
Как мог его отпрыск предателем стать?”
Недаром Чингис любопытным прослыл:
Он к просьбе врага снисходителен был.
И вот уже держит нелегкий ответ
Высокий старик, благороден и сед.
Каур усмехнулся и тихо сказал:
“Я новое нечто сегодня узнал.
Мне мысли, старик, любопытны твои.
Я знал, что змееныш отродье змеи.
Сомнения также особого нет,
Что сокола сокол рождает на свет.
Но горькую правду осилить сложнее -
Что соколу сыном приходится змей”.
И белый, как снег, головою поник,
Беззвучно и страшно заплакал старик:
“Закончилась жизнь, доказав без труда,
Я соколом не был, Каур, никогда.
Не вылечит боли ни смерть, ни слеза,
Хоть душу разрушь или выплачь глаза.
Судьба справедлива: я знаю одно,
И в смерти покоя душе не дано.
Вина моя в том и причина всех бед:
Лишь Карашоки появился на свет -
Бездетному родичу отдан был в дар.
По воле моей он покинул Отрар.
Я, верно, рассудком в ту пору ослаб,
Его собирая за Афросиаб.
Мы сеем беспечно поступков зерно,
Которым бедою взойти суждено.
Я землю родную не мог не предать,
Коль сына посмел на чужбину отдать.
И годы спустя возвратился он к нам, -
Так клин разрывает бревно пополам.
Судьбою наказан безжалостно был,
Кто предков священный завет позабыл.
И горе тому, кто нарушит закон:
Ребенок, что отчей землею рожден,
Пока не созрел для борьбы и невзгод,
Пока не постиг, что священен народ,

Пока не узнал, что священна земля,
И реки ее, и холмы, и поля,
Он воздухом родины должен дышать,
Где в муках земных родила его мать.
Забыл я завет, и расплата страшна:
Со мною судьба расквиталась сполна.
Потеряна слава и отнята честь,
Грядущих столетий исполнена месть.
Ты должен, обязан во имя творца
С предателем-сыном казнить и отца.
Грядущие дни да усвоят урок -
Будь с нами, Каир, как с врагами, жесток.
И милость твою не забудут века,
Хоть город исчезнет под толщей песка,
Священную кару скорее верши,
Да прокляты будут две подлых души!
Руби, и мгновенья не трать на слова,
Пока не слетела твоя голова.
Коварен Чингис — передумает вдруг,
Погибнуть хочу я от дружеских рук”.
Вздыхнул Каир-хан и уста отворил,
Как будто не им, а векам говорил,
Печальная речь над землей поплыла:
“История наша сложила крыла,
Чингис нашу славу развеял в степях,
Вокруг лишь развалины, пепел да прах.
В последнем бою пал последний поэт,
И подвиг Отрара не будет воспет”.
Чингис усмехнулся:
“Пощады не жди,
Нет тени надежды у вас впереди,
И подвиг Отрара с тобою умрет,
Я вырезал всех, кто продолжил бы род”.
Печально старик головой покачал:
— Я злобы такой на земле не встречал,
Но я, Каир-хан, сообщить тебе рад,
Что мальчика вывел неделю назад
Из стен осажденных ночью порою.
Он жив и свободен, как ветер степной”.
Слеза Каир-хана коснулась щеки,
В бессилье и боли он сжал кулаки:
“Похвален поступок — продолжится род.
Но сколько же весен над миром пройдет,
Пока станет мужем спасенный юнец
И сына родит на земле наконец.
И сколько промчится томительных лет,

*Пока средь потомков родится поэт,
Пока он отыщет в минувшее путь,
Дыханием степи наполнится грудь,
Пока подойдет золотая пора,
Где ясны границы и зла и добра,
Иссякнут моря, пересохнет река,
Пройдут на земле не года, а века”.
Сквозь слезы, сквозь боль, ослабевший от ран,
На город горящий смотрел Каир-хан.*

IV

*Столицы и страны истлели в пыли.
Вот семь с половиной столетий прошли.
Сквозь годы и бездну событий и стран
Я след твой ищу на земле, Каир-хан.
Мой предок могучий, я слышал твой зов,
Дошедший ко мне через толщу веков.
Узнай, что мечта не погибла — живет,
Тот мальчик спасенный продолжил наш род.
Я этого гордого племени сын,
От первого крика до поздних седин,
А значит, и ты уцелел от меча,
Бессмертьем своим пережил палача.
Прости, что не сразу исполнил поэт
В веках прозвучавший священный завет.
Я столько потратил и дней и ночей,
Я столько блуждал среди вольных степей,
Пока не пришла золотая пора,
Где ясны границы и зла, и добра.
Пусть Город, что в Азии был знаменит,
Сегодня песками забвенья укрыт,
Пусть Город не виден — трава и ковыль,
Но слава его не легенда, а быль.
Бессмертны вовеки под толщей песков
Могучие корни моих городов.
Надежнее слово и крепче рука,
Коль память корнями уходит в века.*